

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Андрей СИЛЕНГИНСКИЙ,
Евгений ЛОБАЧЕВ

ПОХОД СКОРПИОНОВ

Роман

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство А.ПЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С36

Серия основана в 2004 году
Выпуск 405

Художник
В. Бондарь

Силенгинский А. Г., Лобачев Е. Б.

С36 Поход скорпионов: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 378 с.:
ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1138-2

Они — скорпионы, и это не просто знак зодиака. Они могут казаться медлительными и безобидными, но стоит зазеваться — и они нанесут смертельный удар. Они жестоки и коварны, ибо таков их бог. Они — скорпионы.

Они не любят стрельцов и водолеев, они презирают тельцов. Непосвященных же, обойденных покровительством богов Зодиака, вовсе не считают за людей. И если уж вам выпало разделить с ними трудный и опасный путь, никто не сможет гарантировать, что доберетесь до цели живыми. Впрочем, не много шансов выжить и у самих скорпионов — ведь еще никому из смертных не удавалось добраться до Проклятых Земель.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1138-2 © Силенгинский А. Г., Лобачев Е. Б., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Порой мне кажется, что в мире нет более серого цвета, чем цвет этих стен. Наверное, зодчий обошел всю Землю скорпионов, придирчиво отбирая самые тусклые камни. После чего дело было за малым — построить самое скучное и безликое здание, какое только можно себе представить, убивая на корню малейшие проблески фантазии.

В результате...

Я мрачно оглядываюсь по сторонам. Пусть прошло достаточно много времени, и по большому счету, я уже привык к своему последнему, по всей видимости, пристанищу. Я всегда был неприхотлив, а теперь получил возможность максимально развить в себе это качество. Но иногда вот накатывает. Как сейчас.

Как сейчас, с души воротит от этого казенного великолепия. И самый грязный притон, в котором мне приходилось бывать в своей вольной жизни, представляется местом, достойным бессмертных богов.

При этой мысли я морщусь, настроение портится окончательно, и я снова против своей воли погружаюсь в воспоминания. Хвала Скорпиону, в последнее время это случается все реже и реже. Быть может, еще год-другой, и те события мне самому начнут казаться забавной, хотя и жутковатой небылицей.

Только тогда затруднительно будет ответить себе на вопрос, как же я здесь оказался.

Скрипнула дверь. (Она всегда скрипит! Готов поспорить, это тоже часть замысла неизвестного мне зодчего.) Вошел человек в одежде сквамандской стражи. Ничего

удивительного, конечно, кто еще может сюда зайти? Но Михашир — не только стражник, он еще и друг моего детства. Трогательно, не правда ли?

И все же для него мое паршивое настроение готово сделать маленькое послабление. С некоторой натяжкой я могу сказать, что рад его видеть.

Михашир держит в руках толстенную пачку сшитых вместе папирусов. И у меня вдруг перехватывает дух. Не знаю почему. Я ведь понятия не имею, что это за записи. У меня нет никаких догадок, а они могут быть чем угодно. Но я смотрю на них замороженно, как начинающий воришка на оттопыренный карман подвыпившего купца.

— Привет. — Михашир улыбается мне сквозь густые усы.

Я торопливо отвечаю на приветствие, с удивлением прислушиваясь к бешено забившемуся сердцу. Предчувствие? Но чего?

— Эти Непосвященные совсем обнаглели, — говорит Михашир, рассеянно качая папирусы на ладони. Мышцы на руке размеренно вздуваются, весу в свитке порядочно.

— Да ну? — с деланным безразличием говорю я. Сердце раздумывает, не то выпрыгнуть из груди, не то вовсе остановиться.

— Они, видно, считают Скваманду удачным местом для своих прогулок. Уже третий раз за последние два года, если я ничего не пропустил.

Мы улыбаемся почти одновременно. Ко второму случаю я имею непосредственное отношение, и Михаширу сей факт прекрасно известен. Похоже, сегодня бороться с воспоминаниями бесполезно. А главное, желание почему-то пропало.

— Варвар просил передать тебе вот это. — Михашир кидает папирусы мне на колени. — Сам понимаешь, я и не подумал бы выполнять его просьбу, но для тебя...

— Спасибо, дружиче! — искренне говорю я, положив руку на книгу. — А этот Непосвященный?..

Михашир смотрит на меня как на диковинную, но симпатичную зверушку. С укоризненной улыбкой качает головой.

— Странный ты все-таки. Да жив он, жив. Я сказал ребятам, чтобы помогли ему поскорее покинуть город, но он и сам вроде стремился к тому же.

Мы обмениваемся еще парой фраз, но умница Михашир понимает, что сейчас я хочу остаться один. Когда за ним закрывается дверь, я с жадностью впиваюсь глазами в верхний лист. Замечаю, что он не прошит вместе с остальными, а просто приколот толстой швейной иглой. Ага, да это записка. Причем адресованная мне.

«Здравствуй, Бурдюк!

Я понимаю, насколько это нелепо, особенно учитывая твоё нынешнее положение, но, во имя всех богов, к кому ещё я могу обратиться в Землях Зодиака?! Возможно, ты сочтёшь мои терзания смешными, но это важно для меня и ещё более важно для Гиеагра. На моей родине достаточно хорошо знают подробности наших приключений, признаюсь, в этом моя скромная заслуга. До ваших же Земель дошли только слухи, искаженные так чудовищно, что не могут считаться даже тенью правды.

Я взял на себя труд сделать перевод своей летописи на ваш язык — он перед тобой. Заклинаю тебя всем, что для тебя свято, попытайся донести правду до людей Зодиака. Я всегда считал тебя справедливым человеком. Хотя и мерзавцем, конечно, считал тоже.

Мильк».

Я коротко хохотнул и помотал головой. Если бы не последняя фраза, мне трудно было бы поверить, что записка написана Мильком. Не мог же он растерять весь свой запас яда, ведь этот запас поистине бездонен.

Мильк... Непосвященный, которому мне не удалось стать другом. Если бы эти слова услышал Михашир, он бы назвал меня не странным, а слабоумным.

Вытащив иглу, я отбросил записку, открывая листы, испещренные ровными, почти каллиграфическими строчками. Воспоминания хлынули сплошным потоком, словно прорвав плотину, которую я выстроил своими руками. События двухлетней давности проступили в памяти рельефно и четко, словно случившиеся вчера.

Я то закрывал глаза и погружался в этот поток, то вчитывался в гладкую вязь повествований Милька.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Все началось в один поганый вечер в одной поганой харчевне. Совпадение не случайно: когда карманы набиты дзангами, ты и место для отдыха можешь выбрать поприличней. Но мы с Глазом тогда уныло брели по длинной черной полосе в нашей жизни, неудача следовала за неудачей, и полутемная нора с низким потолком и вечно грязным полом вполне удовлетворяла нашим желаниям разбавить свою злость парой кувшинов мерзкого пойла.

Когда же мы увидели варвара, явно отягощенного излишним имуществом, мы сочли это подарком богов, посланным нам в утешение за все последние невзгоды. Я тогда и не подозревал, насколько странными бывают такие подарки...

Сунув руку в карман, я услышал тихий противный треск рвущихся ниток. Тринадцатый бог, да что ж за день сегодня такой?! Оно, конечно, прореха в кармане — невелика беда. Тем более, если в суть вещей смотреть, карман дырявей, чем у меня, еще поискать. Но когда неприятности следуют одна за другой, это начинает действовать на нервы даже такому спокойному типу, как я.

Хвала Скорпиону, пальцы холодный металл все-таки нащупали. Достал я серебряный дзанг, привычным движением погладил скорпиона на лице монеты, да как можно небрежнее Суслику кинул. О том, что этот дзанг у нас с Глазом последний, каждому встречному и поперечному

знать вовсе не обязательно. У меня тоже своя гордость есть.

Суслику даже и говорить ничего не надо было — не первый год нас знает, но он все-таки в извечной своей педантичности уточнил:

— Вина и пива?

Я просто кивнул, Глаз же хмыкнул и смачно сплюнул на пол — у него настроение еще поганее моего было. Его единственный целый глаз принялся злобно зыркать по сторонам, выискивая потенциальные конфликты. В принципе, я ничего против не имел, паршивый день нужно хотя бы закончить весело, только надо ж сначала выпить. Тем более когда за следующую выпивку заплатить нечем.

Потому я крепко ладонь Глазу на плечо положил и дружелюбно Суслику улыбнулся.

— Конечно, вина и пива, Лярнец. — Суслик не любит, когда его Сусликом называют.

Хозяин харчевни еще постоял зачем-то, носом подергал, потом развернулся и от столика засеменял. Ну чисто суслик, чего он обижается...

— Лучше бы ты тоже вина себе взял, Бурдюк. — Это Глаз. Все не успокоится.

— Было бы тут вино приличное, может, и взял бы. — Я скорчил презрительную гримасу. — А укус я с детства недолюбливаю.

— Как же, как же, — ядовито проблеял Глаз. — Ты ж у нас из высокородных.

Я глубоко вздохнул и чуть усилил нажим руки, которую с плеча своего лучшего друга не убирал.

— Есть немного, — признался я. — Только меня папаня всегда демократичности учил. Так что я могу не побрезговать и всякой безродной швали в рыло дать.

Глаз нервно моргнул. До него дошло, что в предстоящей драке может и не плечом к плечу ко мне стоять. А чем это обычно для него заканчивается, он помнил.

— Чего заводисься, Бурдюк? — избавляясь от моих дружеских объятий, сказал он. — Слова тебе не скажи.

Завожусь? Я пожал плечами. Меня заводят — это бывает иногда, но чтобы сам, такого не припомню.

— И все же пил бы ты поменьше пива, может, тебя и Бурдюком не звали бы.

Все-таки Глаз — не трус. Псих, неуч, скандалист и вообще иногда крайне неприятный тип — но не трус. Иначе я бы с ним и не водился. Впрочем, к намекам на несколько избыточную объемистость своей талии я привык и отношусь к ним попустительно. Глаз это знает.

Я с любовью погладил живот и мягко сказал:

— Может, я еще и похудею когда, может, нет — все во власти Скорпиона. А вот тебе от своего прозвища уже никуда не деться.

Кажется, на этот раз я слегка перегнул палку. Стоит признать, что обычно миролюбивый мой нрав не выдержал тягот и злоключений последних месяцев и дал сбой. Глаз выпрямился во весь рост, левое, здоровое веко его задергалось в тике, полускрытый за повязкой скорпион на лбу налился кровью. Губы побелели, значит, драка начнется куда раньше, чем я предполагал. Примета почти безошибочная. Жаль, пива хотелось...

А вот и еще примета — летящая мне в голову по широкой дуге скамья. Я же говорил, что Глаз — псих.

На реакцию я никогда не жаловался, потому и жив до сих пор.

Я вскинул руки. Постоянно таскать на себе бронзовые наручи тяжело, но я скорее продам последние штаны, чем эти милые безделушки. Незаменимые вещи при внезапно возникших неприятностях — а неприятности, как правило, именно внезапно и возникают.

Вот и сейчас они достойно встретили тяжеленную сосновую лавку — прибывал бы их Суслик к полу, что ли...

Все двенадцать богов благоволили ко мне в тот миг — я устоял на ногах. Иначе пришлось бы мне ох как тяжело; старейшего правила кулачных боев «лежачего не бьют» для Глаза не существовало. Но я устоял и, не дав приятелю опомниться, двинул его ногой в грудь, прямехонько между ребрами. Хорошо врезал, смачно. Роста мы с Гла-

зом примерно одинакового, но вот в весе я преимущество имею, и не использовать его было бы глупо. Глаз шарахнулся спиной о стену, засипел и выронил скамейку.

Немногочисленные в этот час посетители харчевни с удовольствием наблюдали за бесплатным представлением. Наверное, кое-кто из них именно за этим к Суслику и наведывается. И, к слову, редко уходит домой неудовлетворенным.

Первый круг можно было считать завершившимся вничью — Глаз судорожно ловил ртом воздух, восстанавливая дыхание, я тряс руками, стараясь возратить им чувствительность. Наручи наручами, но приложил меня Глаз здорово, так что кости захрустели.

Не берусь сказать, кто из нас пришел бы в себя первым. Опыт наших предыдущих стычек говорил в мою пользу, но, положив руку на сердце, и мне обычно изрядно доставалось. Однако в этот раз нам не дали довести бой до конца. Существовало совсем немного достаточно веских причин, способных помешать нашему развлечению, но сейчас в дверях возник тот, кого смело можно было такой причиной считать.

Варвары в наших краях вообще явление редкое. Несмотря на то что Земля скорпионов лежит, наверное, ближе других к местам обитания Непосвященных. Гостеприимством мы не славимся, чего тут скрывать. Мы и гостей из других земель не шибко-то привечаем, а о варварах и говорить нечего.

То, что новый посетитель Непосвященный, у него само собой на лбу было написано. Но даже нарисуй он на своем девственно чистом челе скорпиона или какой другой тотем, никого бы не обманул.

Одна одежда чего стоит. Срамота, смотреть противно. Что-то вроде серовато-белого мешка с прорезями для рук и головы. У нас среди мужчин только Девы похоже одеваются, да и то подол у них гораздо ниже, почти до земли. А тут — торчат мослы костлявые по самые колени. На ногах тоже что-то несусветное. Вместо обуви одни подошвы деревянные, длинными ремнями к голени примо-

таннные. Забодай меня Телец, если бы я согласился в такой обувке по лужам пройтись.

На поясе — меч в кожаных ножнах. Опять же, что за меч — название одно. В четыре ладони длиной — кухонный ножик, а не меч. Я вспомнил длинные узкие мечи стражников-раков и невольно поморщился, так как наши с Глазом кишки чудом избежали близкого знакомства с этим оружием. Против него что мои наручи, что глазовский кистень — пустое место, если стражники дело свое знают. А они знали...

Ладно. Одежда, оружие, отсутствие тотемного знака... Да раздень человека догола и повяжи ему повязку на лоб — я Непосвященного сразу узнаю. Есть в них какая-то ущербность, коя и должна присутствовать у человека, не признающего очевидное. У кого-то это качество злость или раздражение вызывает, а у меня только жалость.

Однако и нормальных людей, и варваров можно разделить на две категории. Очень простые и достаточно универсальные, чтобы включить в себя всех. Бывают люди, с которых нечего взять, и люди, с которых взять есть что. К какой категории относился Непосвященный, — даже думать не приходилось. Во-первых, по холемому вытянутому лицу можно было видеть, что в свои четыре дюжины лет не знает человек, что такое тяжелая работа. Во-вторых, одежда. Мешок там или не мешок, а ткань-то хорошая, можно не щупать. Выделанная ладно и покрашенная ровно. Ну и, в-третьих, опять-таки меч. Не удивлюсь, если он стальным окажется, раз уж рукоятка из красного дерева сделана да резьбой тонкой украшена. Такие детали я всегда мигом подмечаю.

А на плече посетителя висела котомка, содержимое которой меня очень живо интересовало, за неимением в одежде варвара карманов. Так что веселье весельем, а работа прежде всего. Эта же мысль, как я понимаю, одновременно пришла и в то место, что Глаз называет своей головой. Он даже сделал мне какой-то невнятный жест, в котором я совершенно не нуждался.

Я перестал трясти руками, расплылся в самой дружелюбной улыбке и подошел к Глазу. По-дружески хлопнул его по спине, зная, что это снова собьет только-только восстановившееся дыхание.

— Прости, дружище, я, кажется, нечаянно тебя толкнул.

Прокашлявшись, Глаз тоже ослабился, обнажив пару дюжин мелких желтых зубов.

— Это целиком моя вина, друг, я был ужасно неуклюж.

При этих словах, произнесенных самым приторным тоном, эта скотина так стиснул мне руку в дружеском рукопожатии, что я едва сдержал стон. Быть может, нам еще предстоит довести до конца начатую дискуссию... Позже.

Зеваки вокруг постепенно понимали, что развлечение закончилось, едва начавшись, и возвращались к амфорам. Некоторые переключили внимание на вновь прибывшего, а кое-кто даже примерял к нему свои агрессивные взгляды. Вот развития именно этих поползновений мы с Глазом и стремились избежать. Варвар — наш.

Я сделал несколько шагов по направлению к нему, по дороге небрежно оттерев в сторону приземистого субъекта с лицом, напоминающим навозную кучу.

— Что же ты встал в дверях, чужеземец? Проходи, присядь, раздели с нами скромную трапезу и поведай о делах, что привели тебя в наши края.

Варвар окинул было взглядом несколько пустующих столиков, но предложение мое принял. Я ему, если честно, большого выбора не предоставил. Поддерживая за талию, вежливо, но твердо вел к Глазу, который скамейку уже успел подобрать и на место поставить. Вот только не улыбался бы он лучше. Даже мне он улыбкой своей гие ну напоминает, а я-то его сколько лет знаю, по привычке малость. Представляю, каково человеку неподготовленному.

Уселюсь мы, варвар рядом с Глазом, я на свое место — на другую скамью. Тут Суслик с нашим заказом прико-вылял. Сам тощий, ручки маленькие, как в них все умещается — в толк не возьму. Расставил на столе перед нами

и амфору с вином, и два кувшина с пивом, и связку рыбки сушеной, и полоски подкопченного мяса, и финики...

Расставил — и не уходит. Стоит, сопит, с ноги на ногу переминается и на нас пристально смотрит. Я, впрочем, этот его взгляд правильно понял и даже плечами пожал обиженно.

— Ляренец, старина, ты же нас знаешь... — И тоже на него многозначительно посмотрел.

Суслик подумал, подумал — и восвояси вернулся. Зря он беспокоился, честное слово. Где ешь, там не гадишь — этого нехитрого принципа придерживаются все люди нашей с Глазом профессии, за исключением, может быть, самых пропащих. Харчевня Суслика — место нашего постоянного столования, почти дом, можно сказать. Мы тут и пошуметь можем, и посуду побить и даже мебель поломать. Как и любые посетители этого благословенного заведения. За все, что ломаем, кстати, всегда исправно платим при первой же возможности. Но карманы клиентам Суслика мы не чистим.

Зачем? Ведь клиент, покинувший заведение, перестает быть клиентом.

Теперь можно и пивка спокойно выпить. А под это дело и байки иноземные послушать, хотя плевать мне, конечно, на этого варвара с самого высокого утеса. Меня жажда мучила, и я проглотил полкувшина залпом, даже не почувствовав. Ну да, познакомиться-то все же следует.

— Позволю себе представиться, — говорю, — меня Бурдюком кличут, а это мой деловой партнер Глаз. Как твое имя, уважаемый?

Глаз хрюкнул потихоньку прямо в амфору, чуть вином не поперхнулся. Не то оттого, что я его деловым партнером окрестил, не то услышав «уважаемый» в адрес варвара. А вообще-то, по его словам, моя манера вести разговор с клиентами — я имею в виду *наших* клиентов — кажется ему забавной. Но тут я ничего поделывать не могу. Ни с собой, получившим образование в академии самого Мирдграна Хромого, ни с выросшим в трущобах Глазом.

Сразу видно, что на Непосвященного наши имена впе-

чатление произвели. Может, слышал их где раньше. Он пару раз беззвучно рот открыл, прежде чем наконец представился:

— Эписанф. Так меня зовут. — С акцентом говорит, но ничего, понять можно.

— Ну ты не расстраивайся, бывает, — успокоил я варвара. — Закажи себе лучше пива.

— Я... э... — Варвар похлопал выгоревшими ресницами. — Я закажу лучше вина.

— Ты сам выбрал. — Я с философским видом пожал плечами. — И тебе некого будет винить в этом безрассудстве. Су... То есть это... Ляреце! Вина нашему иноземному гостю!

Первый кувшин опустел, и я потянулся за рыбкой. Утолив первоначальную жажду, я уже смогу поцедить пиво не спеша, со вкусом, отдавая должное нехитрым закускам. Все равно варвар должен сделать и оплатить заказ, прежде чем мы с Глазом уговорим его покинуть это заведение. Иначе Суслик затаит на нас обиду. А обиженный Суслик гораздо неприятней не обиженного.

— Надеюсь, здесь принимают драхмы Андронии? — с легкой обеспокоенностью спросил варвар.

Я только улыбнулся такой наивности.

— Не знаю, где находится Андрония и что такое драхмы, но если в них есть медь, серебро или золото, то Суслик наложит на них свою маленькую лапку, можешь не сомневаться.

Хозяин харчевни, появившись с вином и закуской, не преминул засвидетельствовать правдивость моих слов. Проворно схватив протянутую варваром монету — странную, квадратную — он окинул ее быстрым взглядом, взвесил на ладони и даже на зуб пробовать не стал. После чего бесшумно удалился. Его постное сухое лицо не выразило никаких эмоций, но можно было смело биться об заклад, что серебра в этой самой драхме не меньше, чем в нашем дзанге. По крайней мере, не меньше.

Непосвященный сдачи требовать не стал. Может, цена была честной, а может, какие-то остатки благоразумия у

него еще имелись. Надеюсь, этих остатков хватит еще на то, чтобы сегодня ночью, очнувшись в каком-нибудь перулке и обнаружив полное отсутствие имущества, варвар тихо и мирно отправился домой. В Андронию или куда там еще. Вряд ли ему суждено еще раз увидеть родной дом, если он возымеет глупость обратиться к местной страже...

Как видно, выпив, я подобрел еще больше обычного и в накатившем благодушии преисполнился к варвару неким подобием симпатии. Даже в том, как смело он пил мерзкое вино Суслика, я был склонен видеть не отсутствие вкуса, а умение вести себя в гостях.

Пил варвар быстро, наравне с Глазом, только Глазу-то эта амфора — что бегемоту комариный укус, а вот варвар быстро раскраснелся и молчаливость свою в первой же амфоре утопил. Причем был он, видать, глуховат от природы, потому говорить стал громко, так, что добрая половина посетителей его слышала.

Я, на пиве сосредоточившись, слова его по большей части мимо ушей пропускал. А вот Глаз поглумиться над людьми любит, а тут такая возможность... Слушал Глаз бредни варварские про их придуманных богов, про храмы с чудесами доморощенными и прочую ересь и делал вид, что жутко его это все захватывает. Поддакивал и о подробностях расспрашивал. Мне варвара даже жалко немного стало, так он все за чистую монету принимал и взирал на Глаза с таким покровительственным поощрением.

Тут у нас синхронно выпивка к концу подошла. Можно, пожалуй, уже и закругляться... Только Глазу, как я понял, вожжа под хвост попала, захотелось продолжения пира. Причем сейчас, незамедлительно.

— Что, — говорит, — друг Эписанф, давай-ка я тебя теперь угощу.

Ну, это трюк старый...

— Нет, уважаемые. — Старый дурень крючок заглотил с ходу. — Позвольте мне оплатить следующий круг.

Глаз дальше выпендриваться не стал, руками развел, дескать, раз ты так решил...

— Только я бы, если это возможно, выпил на этот раз белого вина, — сказал варвар.

Не только Глаз, но еще несколько выпивох за соседними столиками грубо заржали. Даже я не удержался от снисходительной усмешки. Темные они люди, Непосвященные...

— Белый виноград не растет в Земле скорпионов, — мягко пояснил я.

— Ну и что? — не понял варвар. — А... в других землях?

Я тяжело вздохнул. Ну оно мне надо, скажите? Забодай Телец этого пьяницу Глаза... И все же я терпеливо принялся объяснять.

— Ты хотя бы приблизительно знаком с нашей географией, Эписанф?

— Я — действительный член географической академии Андронии, — гордо выпятил грудь варвар. Приятно, по крайней мере, что у Непосвященных тоже есть академии и что мне достался не самый тупой из этого странного племени.

— Ну так вот, — продолжил я. — Земля скорпионов находится на краю Земель Зодиака, с запада и юга мы соседей не имеем. На севере мы имеем несчастье граничить с дикарями-тельцами.

— Почему с дикарями? — наивно спросил варвар, и мне захотелось его убить.

— Задавай поменьше дурацких вопросов, может, проживешь чуть подольше, — прошипел я, но потом напомнил себе, с кем имею дело, и взял себя в руки. — Возможно, уважаемый, тебе достаточно будет знать, что эти уроды едят скорпионов?

Пальцы мои сами собой скрючились, а веко у Глаза опять задергалось. Менять надо temu...

— Едят скор... — Варвар поперхнулся. — Но почему?

— Потому что они дикари, что ж тут непонятного? — встрял в разговор Глаз.

— Да, да, я понял, — поспешно закивал Эписанф. — Но

ведь они могли бы... хотя бы из добрососедских отношений...

— Эти дикари?! — Я воздел очи к потолку. — Да они делают это умышленно, как ты не понимаешь? Когда-нибудь им придется за это ответить.

— И чем раньше, тем лучше, — поддержал меня Глаз.

— Тельцы придумали оправдание своим гнусностям, будто мстят нам за наши одежды, — пояснил я.

— Ваши одежды... А... — Варвар остановился взглядом на моей жилетке и штанах. — Они из коровьей кожи, не так ли?

— Конечно, — фыркнул я.

Варвар какое-то время помолчал, словно бы борясь с самим собой. Потом он эту борьбу, судя по всему, проиграл.

— А разве вы не могли бы шить свою одежду, например, из овечь... нет, э... из лошадиной кожи? — спросил он.

— С какой это стати? — резонно спросил Глаз, и варвар не нашелся, что ответить.

— Ладно, с тельцами все понятно... причем давно, — снова заговорил я. — На востоке наши соседи — Земля водолев. Нормальные в общем-то парни, только слегка чокнутые. Пьют исключительно воду и не допустят ни капли вина на своей территории.

— Ясно. Остаются весы, с которыми вы граничите на юго-востоке, — блеснул познаниями Эписанф.

— Правильно, остаются только весы. Вот ты сам и ответил, почему тебе в этой харчевне не подадут белого вина, — усмехнулся я.

Варвар только непонимающе заморгал уже немного слезящимися глазами. Пришлось прочитать небольшую лекцию по купеческой науке.

— Белое вино к нам может попасть лишь через Землю весов, и весы прекрасно об этом осведомлены. Поэтому на нашей Земле белого вина могут отведать только приближенные к Сыну Скорпиона и еще несколько самых богатых купцов. Хочешь выпить белого — дешевле пересечь одну-две границы... Впрочем мы в долгу не остаемся.

— Что ты имеешь в виду?

— Бронза, — пояснил я. — В Земле весов нет гор, нет шахт, следовательно — нет руды. Бронзу они могут купить только у нас, а тут уж мы сполна отыгрываемся за их жадность.

— Ага, — глубокомысленно заявил варвар. — Только у вас, значит. Стало быть, весам тоже не очень повезло с соседями?

— Видимо, так, — согласился я и внимательней посмотрел на варвара. На какой-то миг мне показалось, что он... Да нет, показалось, конечно.

— У нас в Андронии растет превосходный белый виноград, и из него делают самые разнообразные белые вина, — задумчиво проговорил варвар.

— Ты, уважаемый, прибыл к нам с торговой миссией? — сдерживая смех, спросил я.

Представить себе Скорпиона, торгующего с Непосвященными, было так же нелепо, как мужчину на троне Дочери Девы.

— Я? — прямо-таки взвился варвар. — Я, Эписанф Гисидский, академик шести академий в шести славнейших полисах?! Ни я, ни мой прадед, ни прадед моего прадеда не опускались до уровня торгашей! Моя миссия... Да если ты хочешь знать, достопочтенный Бурдюк, моя миссия настолько важна...

— Наверное, выучить таблицу умножения? — с простодушным видом предположил я. Уж очень забавно горячился этот «академик шести академий».

Варвар прожег меня взглядом. Потом принял горделивую, как ему казалось, позу.

— Сомневаюсь, что вам что-либо скажут мои слова, но я, к вашему сведению, собираюсь лично посмотретья в Зеркало богов!

— Мы будем пить вино или нет? — спросил Глаз, которому весь этот разговор уже успел наскучить.

— Заткнись, Глаз, — попросил я.

Тихо-тихо попросил, но Глаз мгновенно заткнулся. Кровь в моих висках стучала в бешеном ритме. Я огляделся по сторонам. Как же громко говорит этот проклятый

варвар... Нет, кажется, никому, как и Глазу, нет никакого дела до слов варвара. Кроме меня, тут никто... Разве что, быть может, Суслик, но его поблизости не было.

— Повтори-ка еще раз, Эписанф, что ты собираешься делать. Хотя нет, — я даже заткнул варвару рот ладонью. — Пойдем лучше отсюда и поговорим в другом месте.

Летопись Милька

Что ни говорите, а человеческое любопытство не ведает границ. Оно из тех чувств, что могут быть сильнее голода и возбуждательней, чем любовь. Иной, кажется, легко пожертвует жизнью, может быть, даже своей, лишь бы вызнать, чем таким занимается сосед, оставаясь наедине с собой, или, например, что подавали в прошлый праздник на пиру у столичного магистрата. Очень многие, знаете ли, обожают совать нос в дела, которые их совершенно не касаются, путаясь при этом под ногами и превращая даже высочайшую трагедию человеческой жизни и смерти в шутовской балаган.

Так случилось с моим другом в тот памятный день, когда, совершив свой величайший подвиг, подвиг, который обессмертит его и мое имя, он едва не пал жертвой праздных зевак. Да-да, тот самый Гиеагр, победитель Тысячи дев, укротитель Хшотского Тигра, человек, убивший ужасное чудовище — Дарвадскую каракатицу, что позволило жителям Побережья после столетнего перерыва вновь пускаться в плавание по волнам Свинцового моря. Герой, чей божественный трезубец укротил кровожадных монстров реки Ольрок и чьи руки вознесли к небесам Жало над храмом Скорпиона. Этот отважнейший из людей едва не погиб по вине ничтожнейшего из смертных, сапожника Башама, из пригорода Арзакены, столицы Земли стрельцов.

Но обо всем по порядку...

Уф-ф, даже если бы Периниск, мой учитель, был доволен моим слогом, клянусь гребнем Солоры, коли я и даль-

ше поведу рассказ с этакой помпой, то подохну от скуки раньше, чем великий герой Гиеагр прикончит меня «за лень и нерадение», как давеча обещался. Поэтому рассудим так: Периниск далеко, и самое большое, что он сумеет мне причинить, — раз-другой протянуть розгами за хромые периоды и дрянную аргументацию; мой же опасный путь — вот он, под ногами, и завтра, быть может, я погибну в когтях неведомого чудовища, или паду от варварских стрел, или загнусь от тоски, выслушивая сердечные излияния моего друга, подобного бессмертным Гиеагра... Так спрашивается, при таком раскладе ради чего я стану терзать себя соблюдением правил риторики, столь милых моему далекому учителю? Вполне возможно, что эти мои папирусы не увидит никто и никогда, что они сгинут вместе с нами там, куда мы держим теперь свой путь. Быть может, я и вовсе не стал бы возиться с ними и вести летопись великих и безумных подвигов, совершаемых на Востоке моим спутником, но... но, великие боги, я все-таки надеюсь вернуться живым из этого погибельного путешествия. А раз я надеюсь вернуться, то надеюсь и получить свою долю той великой, той бессмертной, той сияющей славы, которой давно уже покрыл свое имя мой бесстрашный товарищ и которой, если на то будет воля богов, он добудет еще в тысячу крат против того, что имеет теперь.

Ну вот, я опять заговорил как этот напыщенный пустозвон, старикашка Периниск, да благословят боги его ученость и его страсть держать в услужении хорошеньких рабынь, и да спалят они всепожирающим небесным огнем его розги. Хорошо, пусть. Может и не так плохо, если в рассказ об этом дуболоме, моем друге, — вкрадется несколько выпренних фраз, в конце концов, деяния мужа, подобного ему, стоят того, чтобы хоть немного постараться, повествуя о них.

Итак, мы въехали в Землю стрельцов в восьмой день от летнего солнцестояния, по Ржаному тракту, через убогую приграничную деревушку. По бокам дороги нас встретили пять или шесть столбов, на которых висели высушенные солнцем трупы женщин-изменниц, казненных

по местному обычаю. Восточные варвары необычайно твердо придерживаются своих суеверий и за отступничество карают жестоко и с изуверской изобретательностью; здешние, например, привязывают несчастных к столбам вдоль дороги, и каждый прохожий обязан пнуть в жертву из небольшого церемониального лука стрелой с жалом, смазанным причиняющим невыносимые страдания ядом. Бедняги висят так по нескольку суток кряду, терпя запредельные муки. Этот жуткий обычай — главная причина, почему в Земле стрельцов не строят домов с окнами, выходящими на улицу: вопли истязаемых мешают спать по ночам.

Мы въехали в деревушку через распахнутые настежь ворота, сколоченные из тощих узловатых стволов. До этого мы четыре дня тащились по проклятым желто-серым горам, прокаленным солнцем, как печь для обжига амфор, и иссушенным, как трупы отступниц, которых варвары Водолеева озера казнят, приковывая на солнцепеке на верхушках скал. Когда мы достигли страны стрельцов, мне казалось, что весь мир состоит из одних только гор, бесконечных гор, из их однообразных бескрайних верблюдьих горбов.

Конь Гиеагра, Пламеник, понуро плелся впереди, везя на себе героя, его нехитрую амуницию и два переметных бурдюка, один из которых когда-то был полон водой, другой — овсом. Я тащился позади в повозке, запряженной парой мулов — пегим и каурым. Пегому я дал имя Мудрец, ибо он был работящ и нестроптив, а каурому — Подлец, ибо характером он был полной противоположностью Мудрецу, к тому же третьего дня цапнул меня за плечо. Из того, что можно съесть и выпить людям или животным, в повозке нашей имелось немного полбы, полмешка овса, амфора недурного винца, приберегаемая моим другом для какого-то одному ему ведомого особого случая, высохшая головка сыра, твердая, как лоб самого богоравного Гиеагра, и немного хлеба. Все остальное пространство занимали блюда, фиалы, нагрудники, шлемы, треножники, кратеры, кувшины, сбруя, щиты, мечи, кинжалы,

поножи, копыа... В дальнем углу, завернутые в шкуры, медвяно позвякивали горшочки, доверху наполненные местными чудными монетами. Все это было лишь малой толикой той добычи, которую Гиеагр, подвизаясь в бранном деле, обильно собрал с варварских земель.

За повозкой на почтительном расстоянии тянулась длинная вереница любопытствующих варваров. Кто пешком, кто верхом, кто в колеснице, кто в паланкине — эти бездельники следовали за нами день за днем, парасанг за парасангом, будто стая мух, в жаркий день преследующая вола. Иногда ветер доносил до нас звуки их языка, грубого, как ослиный рев; время от времени к процессии приставали новички из селений, которые мы проходили, и каждый из них считал своим долгом подскочить к нам вплотную и пялиться в упор, будто разглядывая диковинных тварей в зверинце. Всех их привлекала великая слава героя, самые стойкие из них следовали за нами чуть ли не с того дня, как Гиеагр впервые объявился в этих богами проклятых землях.

Могут спросить: как случилось, как получилось, что при такой внушительной «свите» герой и его слуга путешествовали едва ли не впроголодь и имели великую нужду в питье? Что ответить на это? Виной всему — невежество, варварская грубость туземцев и их остервенелая преданность своим племенным божкам.

— Перестань таращиться на мумии и раздобудь воды, — вот были первые слова Гиеагра, едва мы миновали ворота. Я действительно не мог оторвать взгляд от мертвецов — уж больно они были страшны; хоть большинство стрел давно уж выпало из их тел, они все равно напоминали ужасные чучела дикобразов.

Услышав приказание, я остановил мулов и спрыгнул с повозки. Впереди, в ущелье, будто зажатая меж облезлых горбов давно издохшего чудовища, ютилась деревушка. Дома, сложенные из обломков скал и крытые соломой, подозрительно таращились узкими вертикальными провалами окон, будто прорубленных в камне топором. Две-

ри были закрыты, в такую жару это единственный способ сохранить в доме хотя бы видимость прохлады.

Налюбовавшись деревней, я перевел взгляд на горные склоны. Где-то там, среди этих угрюмо-одинаковых бурых громадин, должно быть, журчит ручеек или даже целая речка, сбегаяющая с белых снежных вершин далеко-далеко отсюда. По другому и быть не может, иначе не стояла бы тут эта деревня. Надо только приглядеться получше, найти сочную зеленую полоску среди этого знойного царства, приметить блеск водяных струй, срывающихся вниз с обрыва, или увидеть, над каким местом вьются горные птахи, охотящиеся на мошкарку... Но нет, ничего подобного я не увидел — лишь бесконечные каменные изломы, покрытые жухлой травой да затеняемые пыльными кронами полумертвых деревьев.

— Пойду в деревню, — обернулся я к Гиеагру.

— Давно пора, — сказал он. — Возьми денег, за так у этой деревенщины воды не добыть.

— Ясное дело, — сказал я, возвращаясь к повозке.

В полусотне шагов за ней увидел нашу варварскую «свиту». Голова процессии теснилась в воротах, хвост же исчезал где-то за поворотом дороги. Дикари пялились на нас все с той же смесью любопытства, высокомерия, ненависти и страха; окажись на месте Гиеагра герой пожиже, они давно бы уж сняли с него кожу тонкими полосками, как это делается в Земле рыб. Что ж, пусть мой друг не самого легкого нрава, я все равно вознесу богам молитву за его здоровье.

— Ну что ты возишься? — рявкнул в нетерпении Гиеагр.

Не отвечая, я зачерпнул горсть монет из первого попавшегося горшка, взял два пустых кожаных бурдюка и направился к ближайшему дому.

— И узнай, далеко ли еще до столицы? — крикнул он мне вслед.

Дверь в хижину оказалась куда толще, чем можно было бы предположить. Я скривился, потирая ушиблен-

ный кулак. Внутри не раздалось ни звука. Тогда я подобрал камень и постучал им, но ответа снова не последовало. Пойдя на крайнюю невежливость, я приложил дверь подошвой сандалии, и опять безрезультатно.

Я осмотрелся. Неподалеку в пыли возились куры; на прислоненной к стене мотыге была свежая земля (значит, есть где-то поблизости поле, а стало быть, и вода!); откуда-то из-за дома вдруг донеслось козье меканье...

— Эй! — заорал я, вновь принявшись молотить кулаком в дверь. — Я знаю, что вы дома! Послушайте, я всего лишь хочу купить пару бурдюков воды. Или вина. Я заплачу!

Для верности я как следует встряхнул монеты. Клянись богами, звон услышал бы и мертвый. Но мне не открыли.

Я направился к соседнему дому. Та же история. Снаружи — грохот, крики, звон монет, внутри же — мертвая тишина, хотя можно было поставить годовое жалованье против корки хлеба: хозяева сидели в своих хибарах, может быть, даже тарасились на меня через эти вот узкие окна, и просто-напросто не желали открывать.

Удача улыбнулась мне только у пятой хижины, стоявшей поодаль от других. Едва я постучал, дверь отворилась с душераздирающим скрипом, и из тьмы на порог вдруг выкатилось что-то круглое и лохматое. В первое мгновение я отшатнулся, приняв существо за волка или собаку, но внезапно из спутанных лохм высунулась человеческая рука, сжимающая суковатую палку. Приглядевшись внимательней, я окончательно убедился, что передо мной не животное, а человек, старый горбун, замотанный в шкуры и с таким волосатым лицом, что на фоне шкур его сразу и не разглядеть.

— Шта нада? — прошамкал он.

— Водицы бы, почтенный старец... — ответил я, радуясь тому, что горбун разговаривает не на каком-нибудь жутком местном диалекте, а на общем для восточных варваров языке, который за время скитаний мы с Гиеагром

освоили в совершенстве. — Сколько домов обошел, никто не хочет открывать.

— Шта вам открывать, прощельгам чужеродным, — беззлобно проговорил старик.

Я пропустил его слова мимо ушей: за время путешествия и не такого наслушался здесь. Пусть деревенщина мелет что хочет, лишь бы дал воды. Сложив по местному обычаю руки на животе, я взмолился:

— К твоим стопам припадаю, благородный старец, наполни наши бурдюки водой, не дай погибнуть путникам.

— Водифа-то денех штоит, — прошамкал старикашка. — У наш водиша о-ох како дорогоньякая...

Он вытянул руку ладонью вверх, я молча положил на нее монету. Неуловимое движение — и монета исчезла среди шкур, а передо мной снова появилась его заскорузлая лапа: клади, мол, не жадничай. Тяжело вздохнув, я отсчитал еще четыре дзанга. Не то чтобы мне было жалко хозяйских денег, нет, у Гиеагра они водились в изобилии, просто ведь должен же я был что-то оставить и себе!

— Что же, почтеннейший, где вода? — спросил я, видя, что мохнатый горбун не спешит отрабатывать полученную плату.

— Вона там, — он протянул руку с клюкой, — за деревней.

Повернув голову в том направлении, я увидел, что за краем деревни земля как будто обрывалась вниз, и там, похоже, тянулась лощина, совершенно незаметная с дороги, да и отсюда не видная, если не знать, куда смотреть. Должно быть, там тек ручей: если приглядеться, можно увидеть узкую полоску сочной зелени по самому краю лощины. В душе у меня заворочалась злоба. Ах ты ж старый шут, провел! Ну да ничего, теперь и я пошучу.

Вновь оборотившись к старикашке, я продемонстрировал еще две монеты.

— Благодарю, почтенный старец, — я придал голосу столько простодушия, что, пожалуй, сошел бы за еще большую деревенщину, чем горбатый пройдоха. — Но не сделаешь ли ты еще одно доброе дело и не соблаговолишь

ли рассказать, далеко ли отсюда до столицы и какой дорогой туда лучше ехать?

Неотрывно глядя на деньги, старик поведал все, что мне было нужно. До столицы день пути, дорога отсюда одна, попасть в город можно только засветло, после заката ворота запирают. Выложив это все, он протянул костлявую лапу за «заслуженной» платой, и вот тут-то я показал ему, что тоже не дурак повеселиться: спрятав деньги в кошель, развернулся и потопал в сторону лоцины.

Старик оказался упрямцем. Он увязался за мной и всю дорогу клянчил свои две монеты, перемежая нытье отборными проклятиями. По дну лоцины и впрямь бежал ручей, неширокий, но для деревушки воды в нем было предостаточно. Склон был обрывист, неподалеку я увидел вырубленные в камне крутые ступени и по ним спустился к весело журчащему потоку. Старик остался наверху и кричал мне что-то, а потом исчез.

Ах, как приятно в знойный день очутиться в тенистой низинке у весело журчащего ручья. От непривычной прохлады я разомлел, ноги мои подогнулись сами собой, и я опустил на камень у самой кромки воды. Холодные струи захлестывали мои сандалии, нежили истомленные жарой ступни, ветерок трепал пропитанную потом тунику, изгоняя даже самые воспоминания о царящем наверху пекле. Над головой шелестело листвою деревце, росшее у края обрыва и даже, кажется, чуть ли не из самой его каменной стены. На другом берегу волновалась под ветром зеленая стена тростника. В одном месте большой участок тростника был аккуратно срезан почти под корень — я видел правильный квадрат из торчащих из земли стеблей, каждый не более трех ладоней в высоту.

Меня так разморило от всей этой идиллии, что в первую минуту я даже не мог вспомнить, зачем явился сюда — просто сидел, вдыхая полной грудью ароматный воздух и радуясь тому, что злое солнце не сверлит мою многострадальную макушку.

Но каким бы прекрасным ни было это место, вскоре я все же вспомнил о своих обязанностях. Наклонившись к

воде, быстро наполнил оба бурдюка и уже собирался тронуться в обратный путь, как вдруг что-то плеснуло буквально в шаге от меня. «Рыба!» — пронеслось в голове, но, повернувшись, я увидел торчащую из воды тростинку с оперенным концом. До моего сознания еще не дошел смысл этой находки, как — вжик! — что-то царапнуло меня по плечу.

Стрела! Подняв взгляд, я увидел наверху какое-то движение, кто-то копошился там, на краю, но разглядеть подробно не было возможности — мешала крона того самого деревца.

Вжик! Вжик!

Испуганно пискнув, я метнулся под стену. Великие боги, они палят в меня из луков! Если б не деревце, меня давно превратили бы в большую подушку для булавок, ведь это стрельцы — говорят, они рождаются с луком в руке!

Едва я укрылся, наверху загомонили. Громче всех был слышен голос неблагодарного старикашки, его выкрики касались двух тем: моей смерти и моей матери. Остальные соглашались с ним во всем, и этих остальных по голосам я насчитал не меньше полудюжины. Ничто для великого героя вроде Гиеагра и целое войско — для простого парня вроде меня. Поэтому, хоть самолюбие мое и было уязвлено до крайности, я решил пойти на переговоры.

— Эй! — заорал я, едва высунувшись из своего убежища. — Что я вам сделал?!

Ответом мне был дружный залп из пяти или шести луков и поток отборных проклятий. Потом я услышал дробный стук, будто где-то неподалеку осыпались мелкие камушки. «Лестница! — мелькнула тотчас догадка. — Они спускаются по лестнице!»

И верно, чуть отойдя от стены и оставаясь под прикрытием древесной кроны, я увидел двух парней, осторожно спускавшихся по каменным ступенькам. Обрыв был высок, локтей в сорок, лестница довольно крута, так что этим следовало быть крайне осторожными, тем более что

у каждого из них за спиной висели лук и полный колчан стрел.

Тем не менее спускались они резво — сказывалась многолетняя привычка. Я глазом не успел моргнуть, а они уже были почти на середине пути. От одного взгляда на их луки, сделанные из рогов горного козла, мне стало дурно и тело начало болеть так, будто его уже истыкали стрелами.

«Ну уж нет, — решил я, — просто так я вам не дамся!»

Пошарив взглядом под ногами, я поднял с земли два камня, юркнул за дерево и прокричал:

— Эй, вы, двое! Убирайтесь! Вам же хуже будет!

Все, чего я добился, — пара коротких злобных взглядов и град стрел сквозь крону: должно быть, били на голос.

— Я предупредил! — крикнул я.

Сделав шаг вперед, с таким расчетом, чтобы оставаться под спасительным деревом, я прицелился нижнему в плечо и метнул камень. Пусть у меня нелады с риторикой, пусть флейта в моих губах хрипит, как удушенная овца, зато я первейший в нашем городе метатель камней, и мало кто припомнит состязания, в которых я не взял бы приза. Если я прицелился в плечо, я в плечо и попаду. Варвар вскрикнул, пошатнулся, но сумел удержать равновесие. Я и не хотел сбивать его, все еще надеясь на мирный исход дела. Несколько мгновений двое оставались в неподвижности, сыпля проклятиями и посылая мне свои самые свирепые взгляды, а потом нижний, кривясь от боли, вдруг сдернул с плеча лук и потянулся за стрелой. Я обмер. С его позиции здесь, на берегу, я был как на ладони — дерево не спасло бы меня, ствол его был слишком тонок, чтобы полностью закрыть человека, к тому же изгибался так, что и не подладишься; и под стену было не сбежать — там, где стоял лучник, каменная лестница выдавалась уступом вперед, так что стена прекрасно простреливалась на много шагов вдаль. Видимо, стрелец оценил мое положение так же, во всяком случае он гаденько ухмыльнулся и наложил стрелу на лук. Больше я не меш-

кал: короткий размах — и мой камень ударил стрелка между глаз. Лук и стрела полетели вниз. Несколько мгновений парень судорожно поводил руками, будто нащупывал что-то в пустоте, потом вдруг завалился на бок и вниз головой рухнул на камни у подножия лестницы.

Наверху раздался всеобщий горестный вопль, кто-то завыл, громко, протяжно, отчаянно. Видя страшную судьбу товарища, второй схватился было за лук, но тотчас передумал и с козым проворством устремился вверх.

Я получил короткую передышку. Что делать? Куда бежать? Перепрыгнуть ручей, юркнуть в тростник? Даже если варвары не успеют истыкать стрелами мою спину, пока я буду находиться на открытом месте, куда двигаться дальше? Я в минуту заблужусь, в то время как варвары знают здесь каждый камень и скоро меня схватят. К тому же утекать за ручей, значит, удаляться от Гиеагра, от моей единственной надежды на спасение.

Уж если бежать, то попытаться под прикрытием обрыва продвинуться вперед или назад вдоль ручья и поискать другой подъем. Но и этот план не сулил ничего хорошего все по той же причине: проклятая деревенщина знает эти места как свои пять пальцев, меня просто подстерегут и в лучшем случае убьют сразу, а в худшем — привяжут к столбу и нашьпигуют отравленными стрелами, как тех несчастных женщин. Интересно, что я сделал этим изуверам? Ведь не мог же мерзкий старикашка до такой степени взбелениться из-за двух монет, чтобы натравить на меня всех этих голоштаных мотыжников! Или мог? Да мало ли что мог наплести своим соплеменникам этот горбатый шут, да проклянут его боги!

«Нет, нет, я увлекся, — подумал я. — Надо искать выход».

Последнее, что пришло мне в голову, — остаться на месте и, запасшись камнями, сторожить единственный известный мне спуск и дожидаться прихода Гиеагра. Ведь должен же когда-нибудь славный герой хватиться своего единственного друга и пуститься на поиски! Если, конечно, богоравный не дрыхнет сейчас под моей телегой, ото-

гнав ее на обочину. Да, Гиеагр мог позволить себе подобную беспечность: за год скитаний по варварским землям он снискал столь громкую славу, что ни один самый отчаянный головорез не решится напасть на него даже спящего.

«Все равно останусь здесь», — решил я. Если же варвары, спустившись в другом месте, нападут с флангов, просто удеру в заросли тростника. О том, что будет, если они вздумают окружить меня со всех сторон, я предпочитал не думать.

ГЛАВА 2

Я отложил свитки в сторону, непроизвольно улыбаясь. Да, Мильк — мастер по части умения влипнуть в историю. За то недолгое время, что мы провели вместе, я успел в этом убедиться. Даже в том случае, когда неприятности накрывали с головой нас всех и отличиться в этом плане было нелегко, парнишка ухитрялся раздобыть для себя самые «вкусные» кусочки, вызывая то искреннее сочувствие, то не менее искренний смех. Думаю, и во всю эту большую историю он угодил благодаря своему таланту.

Ну а я? Я, всегда отличающийся степенностью и осмотрительностью, как оказался там же? Наверное, не бывает крысы, которую невозможно поймать. Надо просто не жалеть сыра...

Мирдгран, обучавший меня наукам в годы моего бедного отрочества, был колченог от рождения. И за то, что не пришлось ему всю жизнь валяться в грязи, выпрашивая подавание, он должен благодарить две вещи. Дзанги своего папаша, которых у того было побольше, чем у среднего обывателя, и свою собственную башку, в которую Скорпион в виде компенсации за уродство вложил ума втрое от обычного.

Уже в возрасте двух дюжин лет Мирдгран основал свою академию, а к тому времени как мой предок привел сопливого отпрыска в эту академию она уже имела заслуженную славу лучшей во всей Земле скорпионов.

Многому научил меня мой учитель. За умение читать звезды или отличить золото от рыжей обманки я и сейчас готов склонить перед ним голову. Другие знания — как, например, правила поведения за столом Сына Скорпиона или иных владетелей — выглядели сейчас злой насмешкой над моей непутевой судьбой.

Но еще одно важное понимание сумел вдолбить Мирдгран в головы избранных своих учеников. О том, что есть знания опасные. Знания, которыми не должны владеть слишком многие. Знания, которые надлежит беречь от друзей почти так же ревностно, как и от врагов.

И вот приходит варвар, с грехом пополам говорящий на настоящем языке, и заявляет, что желает посмотретья в Зеркало богов. А про Зеркало богов я даже папаше своему, вольному купцу Эрвигу Красному ни словом не обмолвился. Чего уж удивляться, что для Глаза да прочей бражной компании, собирающейся у Суслика, эти слова пустым звуком оказались?

Нет, если раньше я собирался отпустить варвара с чистой совестью, не отягощенной никаким имуществом, на все четыре стороны, и даже Глаза намеревался от смертоубийства отговорить, то теперь понял: варвару дальнейшая жизнь противопоказана. Не положено ему знать такое, что не должен знать простой честный скорпион или, скажем, водолей.

Только теперь меня больше, чем все его серебряные драхмы, интересовало, что же он такое знает, почему так уверенно о Зеркале богов говорит. О нем Мирдгран как о легенде рассказывал, хотя и не исключал, что оно и вправду где-то есть, только простым смертным найти его не суждено. И оно к лучшему, наверное...

Потому что человек, посмотревшийся в это Зеркало, мог увидеть себя таким, каким ему хотелось. И не просто увидеть... Одно дело, когда дряхлый старец отошел бы от

Зеркала крепким юнцом, а нищий бродяга — богатым купцом. Людям свойственно желать многого. Людям свойственно желать разного. Кто-то увидит себя властным правителем, кто-то беспощадным разбойником, а кто-то и вовсе равным богам...

Потому и надежно укрыли двенадцать богов свое Зеркало от смертных — хотя по легенде спрятано оно было в Землях Зодиака. Потому и не стоило знать невежественной и грубой толпе о самом существовании Зеркала. И без того на протяжении многих поколений то один, то другой посвящали свои жизни поискам этого чуда. Едва ли хоть кто-нибудь из них добился успеха.

И вот варвар... Впрочем, это я уже говорил.

Не понравилась мне уверенность в его голосе. Он не искать Зеркало собирался, а запросто так в него посмотреться. Словно кто-то из дюжины сам к нему спустился и пальцем место на карте показал.

Кто его знает, может, сумасшедший просто... Только мне так не показалось. Чудаковатый на вид — это да, но мозги у него не набекрень, видал я в своей жизни полоумных.

И еще. Слаб человек, слаб... И я слаб. Я, конечно, понимал, что мой долг сделать так, чтобы как можно меньше народа про Зеркало богов знало. Только что хотите со мной делайте — до мути в глазах хотелось мне выпытать, где это Зеркало находится.

Так что, если варвар мне по доброй воле все, что знает, расскажет, — хорошо, умрет быстро и легко, я человек не жестокий. Мучить людей, пусть даже и Непосвященных, мне никакого удовольствия не доставляет. И если все же придется, я потом долго у Скорпиона буду прощения просить. Он ведь тоже жесток только по необходимости.

Глаз ничего не понимал, но шел рядом молча, ни о чем не спрашивал и не возмущался по поводу прерванной попойки. Не в том дело, что он мне так вот беспрекословно подчиняется — ничуть не бывало. Просто чутье у него звериное. Вмиг понял — так надо, я знаю, что делаю, и мешать мне нельзя. С его любопытством тоже придется

что-то делать... И дай мне Скорпион шанс обойтись без крайних мер. Но это потом.

Ум у Глаза примитивный, но цепкий. Что такое Зеркало богов, он не знает, но он это услышал. И что меня именно эти слова встряхнули, догадался. Так что пусть уж варвар при Глазе рассказывает. В конце концов, может, смогу объяснить старому другу необходимость забыть то, о чем помнить не стоит... На все воля Скорпиона.

Куда мы идем, кстати? Хороший вопрос, если учесть, что оба моих спутника безмолвно следуют за мной. А я задумался. То есть так много думал о Зеркале богов, что в голове для мыслей о конечном пункте нашего маленького путешествия места совсем не осталось. А между тем до городской стены уже совсем недалеко. Ничего в этом странного, конечно, нет, такой это городок — Хроквер, куда ни пойдешь, через полчаса в городскую стену упруешься. Кроме тех мест, конечно, где эта стена разрушена на радость людям моей профессии.

Что ж, чем дальше от людей, тем лучше. Говорят, что у стен есть уши, надеюсь, к городским стенам это не относится. Если у этого жалкого сооружения и имелись когда-либо уши, то давно уже забились пылью и заросли мхом.

Поговорим здесь. Не свой же дом пытками да смертоубийством осквернять.

— Присаживайся, Эписанф, — говорю.

И сам пример показываю, усаживаясь на травке. Беззаботно так, словно мы на пикник сюда выбрались. Варвар долго себя упрашивать не заставил. Сел в шаг от меня, руки за спину заведя и в землю уперев. И, сволочь, спокойный такой, что меня аж злость взяла. Либо он глупее, чем я о нем подумал, либо совсем ничего о скорпионах не знает, либо... Не знаю, что «либо». И это меня беспокоит. Не люблю, когда чего-то не понимаю. Не чувствую контроля над ситуацией. Может, варвар на ножик свой рассчитывает? Мнит себя мастером боя, а нас с Глазом за дурачков безоружных принимает?

Не знаю. Телосложения Непосвященный не богатыр-

ского, худой, костлявый. Жилистый Глаз на его фоне толстяком кажется. Возраст опять же такой, когда немногие верный глаз да твердую руку сохраняют.

Нет, чувствую, не в том дело. На что рассчитывает варвар, не знаю, но не на силу, это точно. Тем более смотрит на меня, а на Глаза, который за его спиной устроился, никакого внимания не обращает. Пора расспросы начинать, а то я совсем себя этими терзаниями замучаю. Может, вскорости все и прояснится...

— Скажи мне, Эписанф, я не ослышался? — спрашиваю. Хотя знаю, что не ослышался, но надо же с чего-то разговор начать.

— Если ты думаешь, что ослышался, Бурдюк, могу повторить. Я собираюсь посмотреться в Зеркало богов, — говорит варвар.

Громко так говорит, сожри его Рыба. Вот пень глухой, я аж передернулся нервно и по сторонам заозирался. Само собой, поблизости никого не было, до ближайшей хижины шагов двести, но если так орать...

Остается благодарить двенадцать богов, что солнце за горизонтом уже скрылось и на город опустились густые фиолетовые сумерки. Ночь темной будет, луна нынче застенчива, как невеста в Земле стрельцов, — только узкий краешек миру показывает. Никто, конечно, каким-то варваром особо интересоваться не будет, но так оно все же спокойнее.

— Повторил. Молодец, — сказал я. — А теперь будь так добр, расскажи мне все подробно. И я буду благодарен тебе, если ты сможешь говорить чуть тише.

— Настолько благодарен, что оставишь в живых? — усмехнулся варвар. На самом деле не так громко.

Я испытал какое-то странное удовлетворение. Правильно мне казалось, что варвар не глуп. Но вопросов, конечно, меньше не стало.

— Нет, Эписанф, не настолько, — честно и почти с сожалением сказал я. — Ты же понимаешь...

— Понимаю. — Варвар закивал головой. — Я не ошиб-

ся в тебе, Бурдюк, ты действительно образованный человек. По глазам видно.

Он, значит, понимает. Почему же я тогда ничего не понимаю? Ведь по моим глазам видно, что я человек образованный. Может, это варвар во мне ошибся, и я глупее, чем кажусь?

— Давай попробуем разобраться, — как можно спокойней сказал я. — Ты не проговорился про Зеркало богов, ты заговорил о нем умышленно?

— Совершенно умышленно.

— И для этого разговора тебе нужен был человек образованный? — продолжаю расспрашивать, к пониманию ни на ладонь не приблизившись.

— Конечно! — говорит варвар. Опять громче, мерзавец. — Я мог бы кричать о Зеркале каждому встречному на улице, но что толку?

— Ага. — Качаю головой. — И в поисках образованного человека ты зашел в харчевню Суслика?

Варвар сарказм оценил, посмеялся немного и, хвала Скорпиону, не очень громко.

— В харчевню я зашел в поисках вина и пицци, Бурдюк. В первую очередь. То, что среди его посетителей нашелся человек, знающий, что такое Зеркало богов, — просто счастливый случай.

— Счастливый? — Я свое удивление скрывать больше не мог.

— Счастливый, — подтвердил варвар. — В противном случае мне пришлось бы потратить много времени, толкувая кому-либо из людей одного с вами ремесла понятие о Зеркале.

— Что ты имеешь в виду, варвар? — впервые вступил в разговор Глаз.

Я немного посочувствовал ему. Если я ничего не понимал, то он, думается, понимал и того меньше. А меньше, чем ничего, — это очень мало.

— Э-э... — Эписанф пошевелил в воздухе костлявыми пальцами. — Я имею в виду людей, способных на активные действия, но не связанных государственной службой.

Я захохотал. Ну нравится мне варвар, ничего не могу с собой поделать.

— Тебя не пугает, что такой человек не посчитает нужным оставлять тебя в живых, получив все необходимые знания?

— Я рассчитываю только на то, Бурдюк, что ты — как и любой другой на твоём месте — не станешь меня убивать, пока не получишь именно *все* знания.

— В этом можешь не сомневаться, — хохотнул я ещё раз. — Только пусть от меня отвернется Скорпион, если я понимаю, что ты от этого выиграешь.

— Может быть, жизнь? — Варвар подмигнул мне. — Я уверен, что, когда ты все узнаешь, Бурдюк, ты поймешь, что от меня живого будет гораздо больше пользы, чем от мертвого.

— Честное слово, Эписанф, я хотел бы надеяться на это, — сказал я без всякой, впрочем, надежды.

И все-таки... Все-таки в неверном свете тоненькой лунной полоски лицо варвара оставалось спокойным.

— Все это очень интересно, наверное, — нервно сказал Глаз, встав на ноги. — Но, может быть, кто-нибудь из вас наконец объяснит мне, что это за Зеркало богов? Надое-ло, знаете ли, хлопать ушами, не имея представления, о чем идет речь.

Эписанф посмотрел на меня. Я подумал и пожал плечами.

— Это всего лишь легенда, Глаз. По крайней мере, я так всегда считал... — И я вкратце пересказал другу то, что когда-то услышал от своего учителя. Много времени это не заняло.

Глаз стал задумчив. Я бы тоже на его месте задумался.

— Мне кажется, наш новый знакомый сможет рассказать нам больше, — заключил я. — Но ещё раньше я хотел бы услышать, откуда он вообще узнал о Зеркале.

— Как тебе будет угодно, друг мой, — любезно согласился Эписанф. — Мой родной город находится не так уж далеко от этих мест... Ближе, чем отсюда до Земли рыб,

например. Однако, если смотреть шире, между нашими народами почти непреодолимая пропасть.

— Вот что я называю «начать издалека», — проворчал я.

— Ты куда-то торопишься, Бурдюк? — с легкой насмешкой спросил Эписанф.

Я посмотрел на небо, на котором уже начали проявляться первые звезды. Ночи сейчас короткие, но все равно, до рассвета времени еще предостаточно.

— Да нет в общем-то. Рассказывай, как тебе удобно.

— Благодарю. Я знаю, что вы называете нас варварами и Непосвященными... хотя кое-кого из моих земляков это жутко оскорбило бы. Однако в моем народе репутация людей Зодиака ничуть не выше. Надеюсь, это вас не обидит слишком сильно. — Я только усмехнулся, Глаз фыркнул. А варвар продолжал: — Так бывает, когда люди даже не пытаются понять друг друга... Но не буду отвлекаться. У меня есть друг... Вернее, был друг, он умер. Он был образованным человеком, хотя и не посвятил, подобно мне, жизнь познанию мудрости. Друг мой владел неплохой библиотекой, доставшейся ему от отца. Надо сказать, что Талимет — так звали друга — не думал ничего скрывать от меня и частенько хвастался тем или иным редким манускриптом. Однако были в его коллекции свитки, которые он мне никогда не показывал. Я думаю, просто потому, что не придавал им значения, считая их неспособными привлечь мое внимание.

На горе Талимета и, как выяснилось, на мою удачу, сына у него не было. Достойная жена его принесла четырех дочерей, прежде чем несчастный Талимет смирился с волей богов. А может, просто истратил всю свою мужскую силу... Поэтому после его смерти все свитки перешли ко мне как к самому близкому человеку, способному понять их ценность. И я действительно понял, найдя там старинные папирусы, написанные на языке людей Зодиака.

— Где эти папирусы? — жадно спросил я.

— У меня дома, разумеется, — ответил варвар.

— Почему же ты не взял их с собой? — схватив его за

грудки, воскликнул я. Мне хорошо была известна цена, которую можно выручить за древние свитки... Даже если не принимать во внимание легенду о Зеркале.

— Возможно, ты сам сможешь ответить на свой вопрос, Бурдюк? — не без сарказма сказал Эписанф. — Впрочем, могу поклясться именем своего отца, я готов отдать все эти свитки тебе... после того, как мы закончим наше дело.

— Какое дело? — спросил я, начиная постепенно догадываться, что имеет в виду Непосвященный.

— Я скоро перейду к этому. Пока же замечу, что у тебя появилась первая причина оставить меня пока в живых.

— Недостаточно веская, — пробурчал я.

— Возможно, — не стал спорить Эписанф. — Замечу только, что это причина первая, но отнюдь не последняя. Но позволь мне продолжить. Моих знаний вашего языка в ту пору хватило только на то, чтобы распознать его на этих свитках, но не прочесть их. Я ведь никогда специально не учил язык восточных варваров...

— Кого? — взревел Глаз, делая шаг по направлению к Эписанфу.

— Успокойся, Глаз. — Я, потянувшись вперед, легонько оттолкнул его рукой. — Что за дело тебе, как нас называют Непосвященные?

— Приношу свои извинения, — смущенно пробормотал варвар. — Я всегда немного увлекаюсь, когда начинаю что-то рассказывать.

— Постарайся на этот раз увлекаться не так сильно, — посоветовал я. Уверенности в том, что сумею удержать Глаза снова, у меня не было.

Эписанф немного нервно сглотнул и продолжил:

— Любопытство захватило меня, и я принялся спешно изучать ваш богатейший язык. — Быстрый взгляд в сторону все еще стоящего рядом Глаза. — Вообще-то боги наградили меня почти выдающейся способностью к языкам. Но дело осложнилось скудостью материала и отсутствием наставника. Тем не менее, как вы можете заметить, мои усилия увенчались успехом. И я прочел

свитки. — Эписанф сделал торжественную паузу. Будь она еще чуть длиннее, у меня самого возникло бы желание проломить эту ученую башку. На его счастье, варвар заговорил снова: — Я оказался в высшей степени заинтригованным. Знаешь, Бурдюк, мне в своей жизни пришлось прочесть множество легенд, и я знаю, что не всем из них можно верить — хотя бы потому, что зачастую они противоречат одна другой. Но что-то в этих свитках убедило меня в их правдивости.

— Ближе к делу, Эписанф, — поторопил я. В горле у меня пересохло.

— Я уже в непосредственной близости, — успокоил меня варвар. — Итак, Зеркало действительно принадлежало богам Зодиака. Принадлежало с незапамятных времен, и в летописи не говорилось о том, кто и когда его создал. Думаю, без Девы тут не обошлось...

— Поосторожней с предположениями, — на всякий случай предостерег я.

— Хорошо, — быстро согласился Эписанф. — Если бы в зеркало посмотрелся смертный, его желания действительно исполнились бы. Не те, что на поверхности, а внутренние, самые сокровенные и потаенные. Долгое время для богов это было просто зеркало...

— Почему? — спросил Глаз.

— Полагаю, потому что они — боги, — ответил за варвара я. — Их сокровенные желания совпадают с действительностью.

— Конечно, — поддержал меня Эписанф. — Чего желать богам? Возможно, зеркало служило вспомогательным инструментом для разных мелочей. Прическу там поправить, усы подкрутить...

— Эписанф! — рявкнул я. — Еще немного, и я расколю твою голову на две половины, так как сочту, что любые изменения ей только на пользу.

— Так вот, я говорю, что долгое время для богов Зеркало было простым зеркалом — хотя и более красивым, чем все зеркала, когда-либо увиденные людьми. Из чистейшего серебра, украшенное самоцветами...